

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Марина Ясинская
ЧУЖОЙ ДОЗОР

Марина Ясинская

Чужой Дозор

Серия «Дозоры»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/26914036>

Чужой Дозор : [фантастический роман]: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-105096-2

Аннотация

<r>Отправляясь отдохнуть вместе с семьей на далекой экзотической Кубе, Вика, Иная из Москвы, и представить себе не могла, чем обернется для нее эта поездка: муж и дочка пропали, а ее саму арестовал гаванский Ночной Дозор по обвинению в убийстве Темной Иной.</r> <r>Вика оказывается в эпицентре невероятных событий, когда местные колдуны решают возродить величайшего Иного, которого когда-либо знала их страна – команданте Эрнесто Че Гевару.</r> <r>Призраки прошлого оживают в настоящем, и Иной, рожденный, чтобы стать великим Светлым, но по нелепой случайности обращенный к Тьме, может снова изменить ход истории...</r>

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Ясинская

Чужой Дозор

© С. Лукьяненко, 2013

© М. Ясинская, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая

Вика

Пролог

*Вальегранде, Боливия,
9 октября 1967 года*

Они стояли на поросшей куцей травой лужайке, которая служила для жителей этого жалкого поселка центральной площадью, и неотрывно смотрели в небо. Эти трое были очень разными: смуглый потомок инков в блестящей черной рубашке, джинсах и соломенной панаме, высокий бородатый скандинав – вылитый викинг и холеная молодая красавица с холодным лицом.

И все же их многое объединяло.

Прежде всего они не были людьми.

И все трое – Светлый, Темный и Инквизитор – были Высшими. Потому что туда, куда собирались они, могли пройти только Высшие.

И все они с замиранием сердца – в чем никогда бы не признались! – ждали вертолет, стрекот которого уже раздавался в безоблачной синеве.

– Зачем нам их ждать? Мы можем уйти в Сумрак уже сей-

час, – нарочито равнодушно предложила красавица.

– Нет. Прежде я хочу убедиться, что он действительно мертв, – пробурчал в ответ викинг.

– Но нам уже пришло подтверждение, что его казнили! – возразила красавица.

– Не поверю, пока не увижу лично, – не уступал викинг.

Потомок инков молчал, лишь щурил узкие черные глаза и придерживал рукой панаму, которую так и норовило сорвать порывом ветра, вызванным уже садящейся прямо перед ними «вертушкой».

Появления этого вертолета поджидали не только трое Иных; поодаль сбились в испуганную кучку местные крестьяне, а чуть ближе к площади, около большой глинобитной хижины с полуразрушенными стенами, стояли с камерами на изготовку многочисленные репортеры и несколько офицеров боливийской армии, каждый из которых был так или иначе причастен к поимке, пожалуй, самого знаменитого революционера двадцатого века. Грузный, важно раздувающий багровые щеки генерал Анайя, его полная противоположность – худой как щепка полковник Кинтанилья и вертлявый, постоянно вихляющийся майор Торрес – эти трое командовали антипартизанскими подразделениями, которые в итоге и загнали отряд Че Гевары в ловушку. Офицеры Лоренцетти и Селич лично допрашивали и пытали знаменитого команданте в деревушке Ла-Игера неподалеку отсюда. Родригес, агент ЦРУ и урожденный кубинец, передал на место приказ

о казни Че, подписанный лично президентом Баррьентосом, и успел задать команданте томящий его вопрос:

– Почему ты сражаешься здесь, в Боливии, а до этого на Кубе? Ты же аргентинец! Какое тебе дело до чужих стран?

– Сначала ответь, какое тебе дело до Боливии – ведь ты же кубинец, – тихо ответил ему Че.

...Сейчас все они не сводили глаз с вертолета, к длинным полозьям которого был крепко примотан бесформенный сверток в плотной мешковине.

Вертолет опустился на лужайку, к нему мигом подскочили солдаты, отвязали сверток и понесли его в сторону хижины, у стен которой замерли в предвкушении долгожданной развязки их офицеры.

От движения мешковина, скрывающая содержимое свертка, развернулась, показались спутанные черные волосы.

Одна из крестьянок со всхлипом «Santo Ernesto!» бросилась к солдатам и попыталась прикоснуться к их ноше. Те бесцеремонно оттолкнули женщину; поднявшись из пыли, она перекрестилась и медленно пошла за ними. Чуть погодя вслед за ней робко потянулись остальные крестьяне.

Донеся сверток до хижины, солдаты уложили его на заранее приготовленные дощатые ящики и развернули мешковину. Сгрудившиеся вокруг офицеры и репортеры возбужденно загудели.

Защелкали фотоаппараты – собравшиеся на все лады позировали рядом с мертвым телом; каждый хотел себе уни-

кальный снимок.

Иные наблюдали за происходящим со стороны: потомок инков – с чисто индейской невозмутимостью, викинг – лишь изредка окидывая взглядом собравшихся у тела, а холодная красавица даже не старалась скрыть брезгливой усмешки на холеном лице.

– И *радивот* *этих* вы, Светлые, живете? – презрительно фыркнула она, когда один из солдат, присев около тела Че на корточки, закинул себе на шею его неподвижную руку и, позируя, расплылся в широкой улыбке. – Ради вот этих людей, которые не видят в своих действиях ничего кощунственного?

Потомок инков сделал неторопливую затяжку, посмотрел прямо в глаза Темной колдунье и лаконично ответил:

– Это не те люди, ради которых я живу.

И перевел взгляд на стоявших поодаль крестьян. Те тоже не сводили глаз с неподвижного тела Че и незаметно осеняли себя крестными знамениями: на их глазах рождался, уходя в свой последний земной путь, святой великомученик Santo Ernesto de la Hihuera¹.

Это рождение нового святого не прошло незамеченным для трех Иных. Обменявшись обеспокоенными взглядами, они подошли к телу Че, решительно оттеснив в сторону очередного желающего сфотографироваться с мертвым команданте. Остальные собравшиеся тоже невольно расступились.

¹ Святой Эрнесто из Ла-Игеры(*исп.*).

Генерал Анайя нахмурился – он не понимал, что здесь делают эти гражданские и почему он не может их прогнать. Но приказ сверху был совершенно однозначным – позволить им делать все, что они сочтут нужным. Абсолютно все. И потому Анайя мудро стоял в стороне и не задавал вопросов.

Однако то, на что не осмелился генерал, сделал простой солдат. Марио Теран – палач-доброволец, он еще не знал, что останется в веках убийцей великого революционера; после казни Че его переполняло головокружительное ощущение всемогущества, он чувствовал себя героем, которому все по плечу.

– Вы кто такие? – спросил он с той новой уверенностью, которую обрел вчера, выпустив три пули в грудь легендарного команданте.

Двое из подошедших не удостоили его даже беглым взглядом, а рослый белобрысый малый бросил на сержанта такой взгляд, что Марио немедленно стушевался и испуганно подался назад, за спины товарищей.

Трое Иных встали над полураздетым телом Че. Лежащий перед ними худой, изможденный мужчина с неряшливой бородой и спутанными волосами никак не походил на того, кто менял курс историй целых стран и народов.

– Что же в тебе было такого особенного? – задумчиво пробормотала себе под нос холодная красавица и покачала головой.

А затем Иные молча развернулись и ушли; они не стали

смотреть, как военный хирург ампутировал кисти рук Че и как офицеры, вдоволь покрасовавшись перед камерами, наконец увезли обезображенное тело в неизвестном направлении.

Отойдя подальше, трое Иных переглянулись и не сговариваясь шагнули в Сумрак. Первый слой, второй, третий – они стремительно погружались все глубже, уходили туда, куда были способны дойти лишь единицы. На ту глубину, о существовании которой не знал почти никто. Они шли на шестой слой Сумрака, туда, где в солнечном раю, которому не хватало самой малости, чтобы стать настоящим, обитали все ушедшие из мира Иные.

Достигнув своей цели, троица переглянулись, и в руках викинга появился кругляш тусклого металла, напоминающий старую, потертую монету. Совершенно неприметный на вид, это был артефакт исключительной силы – Обол Харона, который освобождал ушедших Иных, даруя им окончательную смерть.

Высшие Иные – Темная колдунья, Светлый маг и Инквизитор – вместе пришли на шестой слой Сумрака, чтобы уничтожить Че – окончательно и бесповоротно.

– Пора, – беззвучно прошептал викинг, и холодная красавица нараспев произнесла заклинание, призывая команданте.

Минуты шли за минутами, поодаль незаметно собирались умершие Иные, постепенно подходили все ближе – но Че не

спешил на ее зов.

Викинг недовольно вздохнул и, переложив камень в другую руку, произнес свое заклинание, от которого окружившие их Иные шарахнулись в стороны. Однако команданте по-прежнему не было.

Колдунья и Инквизитор повернулись к Светлому.

Потомок инков не стал призывать Че. Вместо этого он закрыл глаза и долго прислушивался к чему-то, различимому ему одному. А когда открыл глаза, то сообщил:

– Че здесь нет.

– Как нет? – опешила Темная. – Все умершие Иные приходят на шестой слой Сумрака.

– Значит, он не умер.

– Не умер? – непонимающе нахмурился викинг. – Мы же сами только что видели его тело!

– Значит, он просто умер не до конца, – спокойно пожал плечами Светлый.

– Что значит – умер не до конца? – не поняла Темная. Незаметно покосилась на Инквизитора – ведь те всегда знают чуть больше остальных Иных. Но и на лице викинга было написано неподдельное удивление.

– Это значит, что какая-то его частица еще жива в нашем мире, – спокойно пояснил Светлый. – Не надо делать такие большие глаза, – усмехнулся он, видя, как меняется лицо Темной. – Наша магия – не единственная в мире, есть и другие, и они могут то, чего не можем мы. В том числе и сохра-

нять человеческие души.

– Но Че – не человек, – заметила холодная красавица. – Он Иной.

– И тем не менее где-то там, – неопределенно мотнул головой потомок инков, – в нашем мире еще живет его человеческая душа. И пока она жива там – здесь мы Че не найдем...

Трое Высших Иных еще долго стояли под небом – чуть-чуть недостаточно синим, под лучами солнца, лишь самую малость недостаточно ярким и толику менее теплым, под завистливыми взглядами Иных, которые тут, на шестом слое Сумрака, были живы – почти...

Темная колдунья и Инквизитор не сдавались, они пробо-вали все новые и новые заклинания, пытаясь призвать Че.

А Светлый маг, потомок древних инков, задумчиво шур-рил черные глаза и едва заметно качал головой, глядя на их старания. Очень сложно найти Че на шестом слое Сумрака. Особенно если его там нет.

Глава 1

Гавана, Куба, наши дни

Паспортный контроль международного аэропорта Хосе Марти встречал многочисленных пассажиров рейса Москва – Гавана тишиной и пустотой.

– Это мы удачно зашли, – пошутила Вика, улыбаясь мужу; привыкшие к неизменным очередям и давкам, они были приятно удивлены.

Впрочем, очереди мгновенно появились; несмотря на то, что больше в зале никого не было, пассажиры ринулись к кабинам паспортного контроля едва ли не наперегонки, шумя и толкаясь, будто боялись, что не всем хватит места. Уже через каких-то пару минут все свободное пространство было захвачено бурлящей толпой людей в бейсболках, соломенных шляпках и солнечных очках. Женщины ревниво рассматривали наряды других туристок, одергивали своих взбодраженных детей, теребили мужей – куда ты дел наши паспорта? а ты уверен, что правильно заполнил декларации? а вон та очередь двигается быстрее, я же тебе сразу говорила, что надо было вставать в нее! Мужчины терпеливо сносили упреки, послушно демонстрировали паспорта с заполненными декларациями и доставали из ручной клади шлепанцы женам и детям, чтобы те по-быстренькому переобулись.

Туристы помоложе в этой суете не участвовали – они бы-

ли поглощены своими телефонами. Кто-то срочно обновлял статусы в социальных сетях – как же иначе крайне озабоченный его персоной мир узнает, что он сейчас находится в аэропорту Гаваны? Кто-то делал фотографии, чтобы запостить их на своих страницах и собрать ежедневный урожай лайков. Кто-то звонил друзьям и громко, но нарочито безразличным тоном говорил:

– Да так, ничего особенного, стою в очереди в аэропорту на Кубе. Сам-то как?

В стеклянных кабинках офицеры в светло-желтой форме бодро ставили в паспортах гостей страны штампы о прибытии и, строго хмурия брови, предупреждали не терять отрывную часть заполненной декларации, иначе на выезде придется платить двадцать «куков» – конвертируемых кубинских песо, специальной валюты для туристов.

Рассматривая всю эту массу возбужденно-радостных и нетерпеливых пассажиров, Вика подавила невольный вздох – «отпускная» атмосфера оказалась заразной, и ей тоже захотелось беззаботного отдыха всей семьей на знаменитых кубинских пляжах. Однако она с самого начала знала, что едут они сюда по делу. Муж летел в Гавану на бизнес-переговоры и предложил жене с дочкой составить ему компанию. Вика согласилась, ведь пока Михаил будет занят делами, они с Ясей могли бы отдохнуть и вдвоем. Но Ясе через две недели предстояло принимать участие в большом концерте. Такого серьезного выступления у девочки прежде никогда не было,

поэтому дочка привезла с собой скрипку и собиралась как можно больше репетировать, а не лежать целыми днями на пляже. В итоге Вика осталась единственной, у кого не было никаких срочных обязательств и кто мог бы беспечно отдыхать – да только делать это в полном одиночестве не очень-то и хотелось.

Пройдя одними из последних через паспортный контроль, Вика с мужем и дочкой оказалась в следующем зале, где пассажиры теснились теперь уже у ленты выдачи багажа. Широко распахнутый зев доставки выплевывал чемоданы и сумки редко и нехотя, словно не возвращая чужое, взятое на время, а отдавая свое и навсегда. Счастливые владельцы появившегося багажа жадно его хватали – и торопливо бежали, неслись к выходу, будто вновь боялись, что не успеют и что автобусы, развозящие по отелям, уедут без них.

Вика тем временем внимательно осматривалась.

– Что ты ищешь? – спросил Михаил.

– Регистрацию, – пояснила она и, понизив голос, добавила – так, чтобы не услышала дочка: – Ну, ты понимаешь, для таких, как я.

– Да, конечно! – сообразил муж.

То, что его жена – Иная, Михаил знал давно, Вика рассказала ему об этом еще до того, как он сделал ей предложение. Рассказала, хотя и знала, что Дозоры не одобряют раскрытие информации о мире Иных обычным людям. Но разве могла она что-то утаивать от человека, которого любила и с кото-

рым собиралась провести всю жизнь? Ну или по меньшей мере *всюего* жизнь; самой ей предстояло пережить всех своих близких, но пока Вика старалась об этом не думать.

Михаил до сих пор помнил свою растерянность и шок. И не потому, что ему вдруг открылась совершенно новая, неизвестная доселе часть мира; просто тогда он решил, что Вика-Иная точно не захочет связать с ним свою судьбу. Он и раньше беспокоился, что эта светловолосая девчонка с озорной улыбкой и глазами-озерами, в которых он утонул еще в первый день их знакомства, может ему отказать – ведь он почти на десять лет ее старше. А тут оказывается, что разница между ними куда серьезнее, чем один только возраст!

Однако совсем еще юная Вика – ей тогда едва исполнилось восемнадцать – ответила ему согласием. А позже призналась, что очень боялась, как бы не передумал уже он, узнав, что она Иная.

С той поры прошло четырнадцать счастливых лет, и ни Михаил, ни Вика ни разу не пожалели о своем решении.

Михаил порой и вовсе забывал о том, что его жена – Иная. После инициации Вика прошла положенное обучение и рассудила, что от слабенькой – всего-то шестого уровня! – Иной в Дозоре много толку не будет. А вот в обычном мире – совсем другое дело. И предпочла жить привычной человеческой жизнью. Свои весьма скромные способности Вика понемногу применяла на работе, и это помогло ей стать отличным врачом, попасть к которому мечтали все больные. А в

быту Силой она практически не пользовалась...

– Иди регистрируйся, а я пока багаж подожду, – предложил Михаил.

Вика рассеянно кивнула – она до сих пор не увидела стойку регистрации для Иных. Да, конечно, Вика была наслышана, что Куба очень не похожа на другие страны. Но порядки в мире Иных универсальны, так что где-то эта регистрация точно должна быть!

Проходившая мимо холеная женщина лет шестидесяти в откровенно молодежном сарафане и крупных броских серьгах наехала Вике на ногу колесиком своего чемодана.

– Извините, – бросила она на ходу, даже не оборачиваясь. Рядом с ней шла еще одна стройная женщина предпенсионного возраста в ярком топе, подошедшем скорее бы девочке-подростку вроде Яси, и коротких обтягивающих шортах. Перед собой она везла коляску с ребенком, заплаканным мальчишкой лет трех. Шли они не к выходу, а в дальний, пустующий угол зала.

Вика присмотрелась к старательно молодящимся пассажиркам. Так и есть, обе – Иные. Темные. Перевела взгляд на малыша в коляске. Тоже Темный. Низший Темный. Вампир.

А в углу зала, куда они направлялись, Вика наконец-то заметила стойку, за которой коротали время двое Дозорных. Молодые, смуглые, в форме работников аэропорта. И почему-то оба – Светлые...

Вика торопливо последовала за двумя ведьмами.

Дозорные, увидев Иных, встрепонулись. Просканировав подошедших первыми Темных, задали пару общих вопросов, глянули на малыша-вампира – и неожиданно заявили, что печать поставят не только ему, но и самим ведьмам.

Те опешили.

– Как это – вы поставите нам печати? – возмутилась дама в сарафане. – Мы же не вампиры и не оборотни!

– Так положено, – ответил один из дозорных.

– Что значит «положено»? Это возмутительно! – подхватила вторая, в ярком топики и шортиках. – Ни в одной стране мира Иным не ставят печати на въезде, только временную регистрацию!

– На Кубе такие правила, – твердо отрезал второй дозорный. – И мы не делаем исключений.

– Плевать я хотела на ваши правила! – взмахнула унизированной золотыми кольцами рукой Темная в сарафане. – Где представитель Дневного Дозора? Я требую, чтобы он нам объяснил, что здесь происходит!

– В аэропорту нет представителей Дневного Дозора, – ровно ответил один из парней.

От этой новости обе Темные, казалось, потеряли дар речи.

– Это тоже потому, что у вас на Кубе такие правила? – ехидно полюбопытствовала дама в сарафане.

Дозорные остались совершенно невозмутимы.

– Да.

Женщины, поняв что с ними не шутят, растерянно пере-

глянулись.

Тут один из дозорных заметил стоявшую позади ведьм Вику.

– Послушайте, – обратился он к Темным, – если вы хотите пройти дальше, то ставьте печати. Если нет – возвращайтесь обратно. И не задерживайте, пожалуйста, других.

Возмущенные туристки оглянулись на Вику и нехотя посторонились.

Вика тоже никогда не слышала, чтобы Иным требовались печати – за исключением низших Темных. Но она рассудила про себя так: Куба – страна уникальная, ни на одну другую не похожая, у нее свои особые порядки, и, видимо, поэтому какие-то особые порядки появились и у местных Иных. И раз у них принято ставить всем приезжим Иным печать – что ж, никаких проблем, пусть ставят!

Однако, к некоторому ее удивлению, ей поставить печать не предложили; Дозорные перекинулись с Викторией парой стандартных фраз, задали пару ожидаемых вопросов – и отпустили с миром.

Уходя, Вика вежливо кивнула и улыбнулась ведьмам и услышала, как одна из них снова набросилась на Дозорных:

– Ах, значит, Светлым у вас печати не ставят, только Темным? Что за дискриминация!

У входа в аэропорт Вику с Михаилом и Ясей окружила толпа представителей самых разных туристических компаний и пытающихся подзаработать местных, наперебой предлагающих показать им все красоты Гаваны – дешево! Тихая, застенчивая Яся под таким напором даже невольно прижалась к отцу.

В этой суете они не сразу заметили невысокого круглолицего кубинца средних лет, в белой рубашке с длинными рукавами и тщательно выглаженных – и как он только их терпит в такую-то жару? – шерстяных брюках, с табличкой в руках: «Михаил Аксенов».

– О, кажется, это за нами! – обрадовался Михаил, направляясь к нему.

Кубинца звали Антонио, и он говорил на прекрасном русском. Ведя Михаила с семьей к припаркованному невдалеке автомобилю, он жизнерадостно успел им сообщить, что для них он просто Антон, что на всю следующую неделю их пребывания в Гаване он будет их личным водителем и гидом и отвезет их, куда они только пожелают, что в восьмидесятые он учился в Ленинграде, влюбился в русскую девушку с красивым именем Маша и что те три года до сих пор вспоминает как самые счастливые в своей жизни...

От вида его машины у Вики, обычно довольно равнодуш-

ной к автомобилям, захватило дух. Роскошный темно-синий «Шевроле Бель Эйр» с задними фонарями в классической форме выступающих плавников, блестящий и в таком состоянии, словно вышел с завода только что, а не шестьдесят лет назад. Внутри – сверкающая хромовая отделка, плюшевые коврики и огромные мягкие кожаные диваны вместо привычных сидений... Да, на Кубе умели заботиться об автомобилях!

Впрочем, их «Шевроле» оказался далеко не единственным ретроавтомобилем на дороге. Чем ближе к центру столицы они подъезжали, тем чаще на дорогах встречались впечатляющие старинные машины. А серая, угловатая, типично советская архитектура сменялась роскошными зданиями тридцатых годов – «американского» периода, времени процветания Гаваны. Вика глазела по сторонам, и ей казалось, будто она попала в кино.

Когда они въехали в самое сердце города – в Старую Гавану, у Вики от увиденного снова захватило дух. Пусть и сильно изношенные, но все равно красивые здания, выстроенные в восемнадцатом-девятнадцатом веках, соседствовали с суровыми крепостными постройками шестнадцатого века. Широкие проспекты в обрамлении ровных рядов пальм, фонтаны и памятники, церкви и площади... И повсюду разноцветное белье, развешенное для сушки на ажурных, в стиле колониального барокко, балконах прямо на центральных улицах города...

Вика не раз слышала о неповторимом колорите Гаваны, о невероятном соседстве роскоши и нищеты, но никакие рассказы не могли сравниться с реальностью. Гавана напоминала старуху в поношенном тряпье, глядя на которую тем не менее можно легко догадаться, что когда-то она была потрясающей красавицей, а в ее бесформенных обносках угадывались нежные шелка, мягкий бархат и изящная вышивка.

Антон наглядно опровергал распространенный стереотип о том, что мужчины не могут делать сразу несколько разных дел одновременно: он ловко лавировал в хаотичном потоке машин на дорогах, расспрашивал, что за музыкальный инструмент везет в чехле Яся, показывал достопримечательности, мимо которых они проезжали, и сопровождал их короткой туристической справкой. И на все лады повторял, как он рад, что ему выпала честь встречать Михаила... Как они все очень рады!

– Вы с Михаилом знакомы? – не выдержав, поинтересовалась Вика. Антон сиял так, будто ее муж был его самым близким, самым обожаемым родственником, ради которого он был готов продать последнюю рубашку. Обычные наемные шоферы даже за очень хорошие чаевые, выданные авансом, не проявили бы и половины его энтузиазма. Да что там – не всякий друг или родственник так обрадуется твоему появлению!

– Нет, не знакомы, – ответил Антон и расплылся в широкой улыбке. – Но мы же знаем его компанию! В свое время,

когда от нас отвернулись все старые друзья, они были единственными, кто нас не покинул!

Вика изумленно покосилась на Михаила.

– Потом объясню, – беззвучно произнес он.

Автомобиль лихо притормозил перед элегантным и, как и все старинные постройки Гаваны, немного изношенным зданием с впечатляющей подъездной аллеей, усаженной с обеих сторон пальмами. Остатки былой роскоши насквозь пропитали атмосферу вокруг – легко можно было представить, как полвека назад на этой самой аллее выходили из шикарных автомобилей, подобных тому, на котором приехали они, Уинстон Черчилль, Эва Гарднер, Фрэнк Синатра и Марлон Брандо.

– Отель «Насьональ де Куба»! – провозгласил Антон с неподдельной гордостью в голосе.

– А вы не покупались! – присвистнула Вика, оглядывая самую знаменитую гостиницу Гаваны.

Михаил усмехнулся и помог жене выбраться из машины.

– Да нет, мы-то как раз собирались сделать все довольно бюджетно и забронировали номер в обычном отеле. А «Насьональ» нам предложили сами кубинцы. В качестве, так сказать, подарка.

– Мне уже не терпится услышать, что же вы такое сделали, что с нами тут носятся, как с писаной торбой, – призналась Вика. – Или ты приехал заключать ну уж очень важный и выгодный для них контракт?

– Все наши контракты обоюдовыгодны, – улыбнулся Михаил. – На самом деле мы ничего особенного и не делали. Просто после развала Союза большинство компаний, став частными, моментально перестали вести убыточный бизнес с Кубой. А наша компания никогда не прерывала с ними отношений – как в советские времена вели с ними дела через Внешторг, так и продолжили после, только уже от своего собственного имени.

– А что, вы разве не несли убытки?

– Не то чтобы вот прямо убытки... Скажем так, мы не имели с этого никакой прибыли.

– Тогда почему не свернули здесь бизнес, как поступили другие компании? – нахмурилась Вика.

– Да потому что... – Михаил вздохнул. – Ты не представляешь, в какой они тогда оказались яме! Не то чтобы Куба до этого особенно богато жила, но с помощью Союза они еще сводили концы с концами. А потом в одночасье их экономика рухнула, и люди оказались в ужасающей нищете! Бросить их в таком состоянии... – за неимением нужных слов Михаил только развел руками.

Вика смотрела на мужа и думала, что именно за это качество – за то, что он всегда оставался человеком, она его и полюбила. Ну и за многое другое, конечно.

Из фойе отеля тем временем появились расторопные портье, ловко подхватили их багаж.

Антон оставил номер своего телефона, заверяя, что нахо-

дится в их полном распоряжении в любое время суток, раскланялся и уехал.

Внутреннее убранство отеля не обмануло Викиных ожиданий – богатая отделка, старинная мебель... Ей снова показалось, что она перенеслась во времени. Не удержавшись, Вика нашла свою Тень и глянула на холл «Насьоналя» через Сумрак. Как она и ожидала, тот был буквально испещрен многочисленными следами Силы – такими магическими отпечатками всех удивительных событий, что происходили здесь в прошлом.

Администратор за стойкой регистрации расторопно выдал ключи от номера, услужливые портье повезли багаж к лифтам.

Пять звезд по кубинским стандартам, конечно, не соответствовали пяти звездам гостиничного стандарта во всем остальном мире, но тем не менее номер был чистым и очень просторным, и в нем имелось все необходимое: маленький холодильник, небольшой телевизор и явно старинная, можно сказать, антикварная мебель – письменный стол, несколько стульев и плетеных кресел и две кровати, в изголовьях которых красовались скрученные горничными из полотенец лебеди. Из окон открывался совершенно потрясающий вид на гавань и на знаменитую набережную Гаваны – Малекон.

Михаил отправился в душ. Яся, сфотографировав очень понравившихся ей полотенечных лебедей, вынула скрипку, и по номеру поплыли тревожные ноты «Грозы» из «Времен

года» Вивальди.

Вика распахнула чуть разошедшиеся створки окон и полной грудью вдохнула насыщенный запахами моря и солнца воздух, отдающий нотками бензиновых паров и преющей на жаре помойки. Гавана очаровала ее с первого взгляда, и Вике не терпелось познакомиться с ней поближе.

* * *

Вечером, отдохнув после долгого перелета, все трое спустились вниз с намерением исследовать отель, в котором остановились. Расторопный персонал был только рад провести экскурсию.

В «Насьонале» действительно было на что посмотреть – отель видел на своем веку поистине легендарных людей, в нем разворачивались важнейшие исторические события. В тридцать третьем году прошлого века прямо на территории «Насьоналя» прошла одна из крупнейших битв кубинской революции. В сорок шестом отель принимал знаменитую Гаванскую конференцию, на которую по приглашению отца «Коза Ностры» Лаки Лучиано съехались почти все представители американской и сицилийской мафии. В пятидесятые казино и ночной клуб при отеле приносили больше дохода, чем любое игорное заведение Лас-Вегаса, и пользовались огромной популярностью – сюда приезжали политики, известные актеры, знаменитые писатели, влиятельные мафио-

зи и прославленные спортсмены... В «Насьонале» останавливался даже Юрий Гагарин!

После экскурсии настало время ужина, и они втроем отправились в ресторан креольской кухни «Ла Баррака» – не столько из-за экзотического для российского туриста меню, сколько из-за изумительного вида на усеянный фонарями парк при отеле.

Ресторан не требовал особого дресс-кода, но многие посетители, словно поддавшись влиянию прошлого, оделись как на официальный прием в посольство: женщины в вечерних платьях, мужчины в дорогих костюмах. Вика поймала себя на мысли, что почти готова вернуться в номер и сменить свой легкий сарафан на что-нибудь более официальное. Впрочем, стоило ей заметить за одним столиком пятерых человек в шортах, бейсболках и футболках с яркими принтами, как Вика поняла, насколько нелепо ее беспокойство по поводу своего внешнего вида.

В ожидании заказа Вика с Михаилом осматривались и неторопливо смаковали белое вино. Живая музыка, парадные скатерти, накрахмаленные салфетки, хрусталь и свечи, официанты в строгих смокингах с бабочками – вокруг царила атмосфера роскоши и богатства, напоминая о том, что когда-то «Насьональ» был настоящим сердцем не только Кубы, но и всей Латинской Америки.

Быстро заскучавшая Яся отпросилась к музыкантам, которые играли в беседке в дальнем углу парка, – ей захотелось

поближе рассмотреть кубинские музыкальные инструменты.

Мимо столика Вики с Михаилом важно прошествовали две дамы в годах, разодетые так, словно явились на церемонию вручения «Оскара». Впечатление немного портило лишь то, что одна из них катила перед собой коляску с ребенком.

В этой троице Вика с некоторым удивлением узнала тех самых Темных ведьм, которые скандалили с Дозорными в аэропорту, и их малыша-вампира.

– Ну, естественно! – хмыкнула она. Где же им еще оставаться, как не в «Насьонале»? Тяга Темных к роскоши давно стала притчей во языцех. Если автомобиль – то самый дорогой, если одежда – то исключительно брэндовая, если отель – то самый известный и престижный.

– Ты о чем? – не понял Михаил.

– Да вот о них, – кивнула Вика на Темных и коротко рассказала об инциденте в аэропорту.

Муж внимательно выслушал и нахмурился, глядя на малыша в коляске:

– Что, даже таким маленьким детям печати ставят? Но зачем? Неужели ребенок-вампир представляет такую опасность?

– Честно говоря, никогда об этом не задумывалась, – призналась Вика. – Просто в свое время приняла как данность, что так положено – ставить печати всем вампирам и оборотням без исключений.

– Вот уж не думал, что тебя может устроить аргумент «так положено», – шутливо поддел жену Михаил.

Вика улыбнулась и в отместку ткнула его локтем в бок.

Ведьмы тем временем уселись за отведенным им столиком. Вокруг них засуетились сразу два официанта. То ли Темные воспользовались заклинанием для привлечения внимания, то ли официанты надеялись получить щедрые чаевые от одиноких и явно богатых туристок... Как бы то ни было, но молодые кубинцы из кожи вон лезли, стараясь им угодить.

Некоторое время Михаил наблюдал за этой картиной, а потом покачал головой.

– Что? – спросила Вика.

– Ничего. Просто... Все никак не могу привыкнуть, что они выглядят совсем как мы. Мне почему-то до сих пор кажется, что Иные должны ну хоть чем-то отличаться от обычных людей. А ведь так, по виду, и не скажешь...

– Я вообще-то тоже Иная, – улыбнулась Вика. – И от обычных людей тоже не отличаюсь.

Михаил перевел взгляд на жену.

– О нет! – совершенно искренне заявил он. – Ты как раз отличаешься! Ты у меня куда замечательнее и привлекательнее и обычных людей, и Иных вместе взятых.

Вика улыбнулась мужу – после стольких лет совместной жизни он по-прежнему умел делать комплименты.

А Михаил вновь перевел взгляд на туристок и нахмурил-

ся.

– Выходит, они тоже остановились в этом отеле?

– Скорее всего. А что? – пожала плечами Вика.

– Ну, они же все-таки Темные... – несколько неуверенно протянул муж.

Вика сдержала снисходительную улыбку. Нет, разумеется, моральные принципы и взгляды Темных и Светлых по целому ряду вопросов существенно расходились, но... Михаил рассуждал, как все люди: раз Темные – значит отпетые злодеи, которых хлебом не корми, дай только сотворить какую-нибудь вселенскую гадость. А раз Светлые – то образцовые и безупречные, этикие святоши, никогда не совершающие плохих поступков... А истина, как водится, лежала где-то посередине.

– Да, они Темные, – произнесла она вслух. – Но вот что я тебе скажу: обычные люди ежедневно творят такие поступки, что частенько затмевают любые проделки Темных.

– Все равно никогда не мог этого понять, – упрямо возразил Михаил. – Разве то, что они Темные, не означает, что они как бы по определению... не знаю... плохие, что ли?

– А ты посмотри вон туда, – указала ему Вика в ответ на бар в дальнем углу сада.

За высокой стойкой сидел обожженный солнцем толстый турист с облезавшим красным носом, и, тыча в бармена мятой купюрой, пьяно бубнил:

– Эй ты, глупый обезьян, я хочу рому... с коооолой! С ко-

ка-колой, и чтоб ты замесил все красиво и чтоб шкворчало, как в рекламе, – а у тебя не шкворчит, и льешь ты мне не колу! Ну, что ты zenки свои пучишь, я ж тебе русским языком говорю, чего хочу, а ты не понимаешь... А зря! Ты должен понимать язык тех, кто тебя кормит! Так что шиш тебе, а не чаевые! – победно завершил он и, помахав купюрой перед носом у бармена, убрал ее к себе в карман.

– Вон он – человек, не Иной. Как по-твоему, какой он? – тихо спросила Вика. – Плохой или хороший?

– Просто пьяный дурак, – мрачно ответил Михаил.

Рядом словно сооткнулся из воздуха официант с тарелками в руках.

– Джамбалайя, – гордо провозгласил он, ставя перед Викой горку яркого риса со специями. – Гумбо! – не менее торжественно сообщил он, водружая перед Михаилом глубокую керамическую миску с супом-рагу из морепродуктов.

А когда на пустующий стул прямо перед официантом плюхнулась Яся, тот опустил перед девочкой тарелку с классическим креольским блюдом – «черненной» рыбой.

– Хм, а ведь это, похоже, наши американские конкуренты из Kola.Co, – заметил через некоторое время Михаил и кивнул куда-то в сторону.

Проследив за взглядом мужа, Вика без особого удивления увидела, что он показывал на тех самых посетителей, что были в шортах и футболках. Вот и не верь потом в стереотипы о внешнем виде американцев!

– Конкуренты? – уточнила она. – Вы что, на один и тот же тендер нацелились?

Начавшееся не так давно дипломатическое «потепление» между США и Кубой обещало новые возможности для самых разных бизнесов, прежде не имевших сюда хода. Разумеется, множество компаний со всего мира ринулись на Кубу в надежде отхватить себе новый кусок рынка. И прежде всего – американские.

– Да какой там тендер! – махнул рукой Михаил. – У нас с кубинцами уже есть подписанная договоренность, просто требуется уточнить несколько деталей. Однако...

Михаил откинулся на спинку стула и раздраженно забарабанил пальцами по краю стола.

– Некоторое время назад наша компания затеяла с кубинцами совместный проект – завод по производству соков. Цитрусовая отрасль, как ты сама понимаешь, здесь прекрасно развита, и мы решили нацелиться на более экзотические местные фрукты, которых тут в изобилии, – гуава, папайя, гуанабана. Если не вдаваться в скучные детали, то по договору с нашей стороны поступают оборудование и технологии, а с кубинцев – строительство собственно завода и рабочая сила. После запуска производства наша компания получит эксклюзивные права на реализацию соков в России и Восточной Европе по закупочным ценам чуть ниже стандартных.

– Не очень-то похоже на суперприбыльное вложение, – честно заметила Вика.

– Не суперприбыльное, – согласился Михаил. – Тем не менее пусть и умеренный, но доход с этого мы все-таки ожидаем. А заодно и доброе дело сделаем – как-никак будет у кубинцев новая промышленность, новые рабочие места и новый продукт для экспорта.

– Хорошо, но при чем здесь американцы – они тоже хотят выпускать эти все экзотические соки?

– Не совсем, – прищурился Михаил. – Американцы собираются строить на Кубе завод по производству своей знаменитой газировки. И хотят выкупить для этого дела участок земли, где сейчас разбиты фруктовые плантации, те самые, с которых мы собирались получать сырье на наш завод. И, разумеется, плантации под их строительство придется вырубить.

– А им принципиально строить завод именно там, а не где-то еще?

– Это о-очень хороший вопрос! – протянул Михаил. – Им с тем же успехом подошло бы и другое место. Но ты же понимаешь, с нашим заводом у кубинцев появится самостоятельное независимое производство и собственный уникальный товар. А с Kola.Со завод будет не кубинский, а американский. И товар не уникальный кубинский, а типовой американский, которого полно по всему миру. И все остальное будет тоже полностью в руках американцев – и технологии, и производство, и сбыт, и финансы. А кубинцы так и останутся просто наемной рабочей силой без права голоса.

– Кубинцы же не могут не понимать, что для них куда выгоднее ваш проект, чем американская газировка, – задумчиво наморщила лоб Вика.

– Мы тоже так думаем, – кивнул Михаил. – Тем более что контракт на строительство мы подписали еще в прошлом году, запустили первые транши, согласовали графики поставок оборудования и планы строительства – так что пока все идет по плану. Но буквально на днях мы узнали, что Kola.Со направила сюда своих представителей, и на всякий случай решили тоже поприсутствовать. Мы, конечно, не думаем, что кубинцы расторгнут договор – им это и невыгодно, и неустойка в случае нарушения договора им абсолютно ни к чему. Но ты же знаешь, что говорят про грех и стреляющие грабли?

Вика подумала было, что Михаил зря так переживает – ну не могли кубинцы быть так глупы, чтобы отказаться от выгодного контракта с компанией мужа в пользу заведомо худшего! Но, машинально просканировав ауры членов американской делегации, она с удивлением обнаружила, что двое из них были Темными Иными – загорелый мужчина с седыми висками и полная молодая женщина с крашеными светлыми волосами. Причем их уровень Вика уловить не смогла – и вот это все меняло. Вряд ли сильные Темные будут сидеть на переговорах в сторонке и помалкивать, они наверняка попробуют воздействовать на участников переговоров; это было логично, потому что только в таком случае у них

появлялись реальные шансы заставить кубинцев отказаться от выгодного проекта с компанией ее мужа. Разумеется, воздействовать они будут лишь минимально, на грани Силы – чтобы не привлекать внимание Дозоров и не нарушать Договор. Но и такой малости Темным будет более чем достаточно, чтобы добиться своих целей. И Михаил с кубинцами, попав под их влияние, ничего не смогут поделать.

Кажется, отпуск переставал быть томным.

Глава 2

Обычно Вика старалась пользоваться Силой только в крайних случаях и в быту все проблемы предпочитала решать самостоятельно. Поэтому многие приемы и навыки из тех, которым ее когда-то обучали в Дозорах, она основательно подзабыла – слишком давно не было практики.

Однако создать незатейливый амулет, защищающий от простых заклинаний влияния Темных, она все-таки сумела, и к следующему утру тот был готов. Самая обычная булавка, которую она приколола Михаилу внутрь кармана брюк. На других амулет, конечно, не подействует, защитит только мужа, да и то лишь в том случае, если воздействие на него будет не выше шестого уровня.

Впрочем, Вика не думала, что американские Темные рискнут применять серьезную Силу. За подобное вмешательство они могли схлопотать нешуточные проблемы с местным Ночным Дозором. Ссориться с Дозорами вообще никто не любит, а уж с чужими Дозорами, да на чужой территории! И особенно если ты – американский Иной, а дозор – кубинский.

И тем не менее, провожая утром мужа, Вика волновалась. Закрыв за Михаилом дверь номера, она сделала несколько глубоких вдохов – и усмехнулась, вспомнив, как во время обучения в Дозоре кто-то из наставников – очень опытных

Иных – предупреждал недавно инициированных учеников:
– Вам еще только предстоит понять, что вы – не люди, а Иные. Это не хорошо и не плохо, это просто по-другому. Пройдет время, и между вами и вашими близкими появится дистанция. Говоря о людях, вы перестанете использовать слово «мы» и будете говорить «они», а их беды и проблемы не будут вас волновать.

Что ж, возможно, выбрав обычную человеческую жизнь, Вика слишком редко имела дело с другими Иными, чтобы почувствовать ту самую дистанцию, о которой говорил наставник. Или же она просто еще недостаточно долго пробыла Иной, еще не прожила полностью свою первую человеческую жизнь, чтобы осознать, что она и правда принадлежит другому виду. В любом случае пока человеческие проблемы не оставляли ее равнодушной. В особенности – проблемы мужа или дочери.

Весь день Вика честно пыталась отвлечься и не думать о том, как проходят переговоры у мужа. Пока Яся играла на скрипке, она читала книгу; не сумев сосредоточиться на романе, открыла скачанные на планшет материалы по своим пациентам – все с тем же успехом. И поскольку Вика не могла ни на чем сосредоточиться, она соблазнила дочку пораньше окончить репетицию, и они, спустившись вниз, долго плавали в роскошном бассейне. После зашли в салон красоты и сделали себе оригинальный маникюр, а затем посидели в ресторане.

Михаил позвонил после обеда и сообщил, что переговоры затягиваются до вечера.

После звонка мужа на душе стало совсем беспокойно. Вика даже попыталась посмотреть линии вероятностей на его ближайшее будущее, но... Ей это вообще никогда особенно хорошо не удавалось, а на этот раз вышло еще хуже: если обычно Вика могла уловить хотя бы общий прогноз на уровне «все будет хорошо» или «ожидаются неприятности», то сейчас линии вероятности тонули в клубах тумана.

Волнение Вики словно передалось дочке – после обеда она снова приступила к репетициям, но «Гроза» у нее выходила какой-то скомканной, неровной. Чем сильнее Яся старалась, тем хуже у нее получалось – и тем больше она расстраивалась.

– Тебе надо отвлечься, – глядя на мучения дочери, решительно заявила Вика. «Да и мне не помешает», – подумала она про себя. – Пойдем лучше прогуляемся и развеемся.

– Мам, но у меня же скоро концерт! – возмутилась дочка. – Мне надо репетировать в два раза больше!

– Пока ты в таком состоянии, у тебя ничего толкового не получится, – ответила Вика и в который уже раз подумала, какая же не по годам серьезная и ответственная у нее дочка. – А так ты отвлечешься, расслабишься – и вечером порепетируешь с новыми силами.

Яся неохотно согласилась, и вскоре они уже шагали по знаменитой гаванской набережной Малекон. Бывшая ко-

гда-то важной частью городских укреплений, она брала свое начало как раз от «Насьоналя» – и тянулась на километры вперед. Справа открывался вид на бухту и океан, слева вплотную друг к другу теснились старинные памятники, колониальные постройки с фасадами пастельных цветов, роскошные отели и дорогие рестораны.

Яркое солнце слепило глаза, соленые брызги и бодрящий ветерок приятно охлаждали кожу, успокаивая нервы. Вика с удовольствием вдыхала свежий морской воздух, а заигравшаяся Яся носилась по истертым каменным плитам и с визгом убегала от перехлестывающих через край набережной волн.

Старая Гавана осталась позади, на смену ей пришли куда менее роскошные кварталы. В отличие от центра города здесь здания были не отреставрированы и потому удручали своим изношенным видом, а остатки былой роскоши, проглядывающие кое-где под потертыми фасадами, только сильнее подчеркивали нищету и разруху.

Зато широкий проспект оставался все таким же оживленным, и по нему бесконечной полосой ехали машины, многие из которых могли бы стать достойными экспонатами музеев истории автомобилизма.

Туристов в этой части Малекона почти не было, видимо, они не решались уходить так далеко от центра города. И сейчас Вику с Ясей окружали в основном местные; смуглые, черноволосые, они, казалось, никуда не спешили – лишь

неторопливо прогуливались по набережной, ведя между собой оживленные беседы. Дородные кубинские матроны в ярких одеждах собирались небольшими группами у лавочек и, попыхивая сигарами, разглядывали и обсуждали всех проходящих мимо. Раздетые до пояса рыбаки устроились у парапета и наблюдали за закинутыми в воду удочками. Тут и там обнимались влюбленные парочки, без всякого стеснения даря друг другу поцелуи.

Видимо, недавно закончились уроки, потому что по Малекону стайками носились взад-вперед школьники в ярких цветных юбках, черных брюках и форменных белых рубашках с пионерскими галстуками на шее. Они громко щебетали, что-то жевали на ходу, чему-то улыбались, над чем-то смеялись, кормили чаек и убегали от волн... И всем своим сияющим, беззаботным видом напоминали Вике, что настоящее счастье далеко не всегда зависит от материального достатка, к которому так стремится весь остальной мир.

– Ну что, пора возвращаться? – спросила Вика у дочки некоторое время спустя.

– погоди, – рассеянно ответила Яся. Она стояла у парапета и, вытянув шею, что-то увлеченно разглядывала внизу.

Вика незаметно присоединилась к ней, заинтересованная тем, что же могло так увлечь дочку.

Прямо под каменными стенами набережной, практически вровень с водой, лежали изъеденные морем, покрытые илом широкие каменные плиты. Местная ребятня использовала

их вместо пляжа – кто-то лежал на солнце, кто-то прыгал с них в воду. Несколько парнишек постарше занимались серфингом. У одних выходило лучше, у других – хуже, но все получали самое что ни на есть искреннее удовольствие от процесса.

Проследив за взглядом Яси, Вика увидела худого смуглого мальчишку лет тринадцати, который успешно оседлал волну и сейчас несся на ее гребне прямо к берегу. Но прежде чем волна разбилась о каменную набережную, его доска уверенно нырнула вниз, скрылась между волн – и снова появилась несколько мгновений спустя уже на гребне другой волны.

Так мальчишка и перепрыгивал с волны на волну, пока наконец не позволил одной из них поднести себя почти к самой набережной, так близко, что Вика невольно задержала дыхание – а вдруг он сейчас разобьется! – а потом легко соскользнул с доски, скрылся под водой и вскоре уже выбирался на каменные плиты. Его тут же окружили другие мальчишки, одобрительно хлопали по плечам, галдели – наверняка хвалили. Но мальчишка принимал выражения восторга на удивление сдержанно.

– Вот бы и мне так научиться, – мечтательно протянула Яся, глядя на отчаянного серфера.

Вика с удивлением покосилась на дочку. Тоненькая и воздушная Яся всегда была тихой и застенчивой девочкой, она никогда не проявляла интереса к спорту или каким-то другим активным занятиям, всегда предпочитала книги и музы-

ку. И вот надо же!

Мальчишка-серфер тем временем, словно почувствовав на себе завороченный взгляд Яси, оглянулся на набережную. Его неожиданно светлые для такого смуглого лица голубые глаза безошибочно отыскивали Ясю среди огромной толпы, гуляющей по Малекону, – да и как было не заметить ее, светловолосую и светлокожую, среди смуглых черноволосых кубинцев?

Поймав на себе взгляд мальчишки, Яся вспыхнула и отпрянула назад.

– Ладно, давай возвращаться, – пробормотала она.

Вика чуть прищурилась, рассматривая ауру дочки, и, хмыкнув про себя – двенадцать лет, растет девочка! – предложила:

– Можем еще немножко погулять, если хочешь.

Яся опасливо покосилась на маму, но, не заметив на ее лице ничего подозрительного, согласилась. И еще долго стояла на краю набережной, делая вид, что наблюдает за кружащими у берега чайками, а вовсе не за мальчишкой-серфером.

А тот, в свою очередь, не менее старательно притворялся, что ему нет абсолютно никакого дела до стоящей на берегу хрупкой девочки с длинными белокурыми волосами.

* * *

Муж вернулся в восьмом часу вечера – усталый, взвин-

ченный и злой.

– Я в шоке! – провозгласил он еще прежде, чем Вика спросила «Как дела?», и с размаху плюхнулся в плетеное кресло-качалку. – Эти негодяи несли полную ахинею про огромную выгоду от вырубки плантаций, а кубинцы все это с готовностью проглотили! Ни сомнений, ни вопросов, ни уточнений – вообще никакой реакции, будто сразу на все согласны... И главное, про наш с ними контракт словно забыли. Честное слово, их будто околдовали!

Вика могла бы легко объяснить, кто именно околдовал кубинцев. Но она молчала.

– И знаешь, что странно? – продолжал кипятиться Михаил. – Когда я пытался что-то возразить, указывал на неправомерность предлагаемых условий, американцы смотрели на меня с таким удивлением, как... как если бы заговорила пепельница или, скажем, портрет на стене! Кажется, они ожидали, что я тоже буду сидеть и молча соглашаться со всеми их предложениями!

– Ну и что в итоге решили кубинцы – они тебя послушали?

– Да какое там! – бросил Михаил и в сердцах рванул галстук на груди. – Пока я им напоминаю, что мы с ними уже подписали предварительный договор, который нельзя вот так запросто игнорировать, что они уже внесли задаток и наверняка не захотят платить неустойку, что, наконец, наше соглашение сулит им серьезную выгоду, – они меня слушают и вроде как даже все понимают. Но стоит заговорить амери-

канцам – и все, у кубинцев словно отключаются мозги, и они забывают обо всем на свете.

– Неужели они подписали контракт с американцами? – встревожилась Вика.

– Пока нет, мы продолжим переговоры завтра. Но я думаю, если и дальше так пойдет, то дело дрянь, – заключил Михаил и устало вздохнул. – Если кубинцы и завтра будут такие же... зомбированные, то они весь свой остров американцам за банку газировки продадут – и будут этому рады!

* * *

Ночью, когда муж с дочкой крепко уснули, Вика тихо выбралась из кровати, заперлась в ванной и, пытаясь собрать как можно больше Силы, постаралась влить ее в амулет-булавку. Она уже убедилась, что мужа тот защищает отлично, но вот если бы она еще могла увеличить радиус действия и распространить его эффект на незадачливых кубинцев!..

Вика трезво оценивала свои возможности Иной шестого уровня – но решила, что попытаться все равно стоит.

Утром, проводив мужа, Вика опять попыталась просмотреть линии вероятности – и опять ничего не смогла разобрать в клубящемся тумане, лишь ощутила смутную угрозу. Но она не могла с уверенностью сказать, откуда идет эта угроза – из реального будущего или ее собственного воображения. А может, это и вовсе из-за погоды – небо над Гаваной

хмурилось, набухало штормовыми тучами, океан за окном наливался свинцом и тяжелел.

Яся тоже хмурилась – все утро она снова и снова репетировала свою «Грозу». На дилетантский взгляд Вики – у дочки выходило очень даже хорошо. Но Яся была откровенно недовольна.

– Все, – рассердилась она и в сердцах отбросила смычок.
– Ничего у меня сегодня не выходит!

– А по-моему, было очень даже неплохо, – осторожно заметила Вика.

– Вот именно – неплохо! – раздосадованно воскликнула дочка. – Сотни музыкантов могут исполнить «Грозу» неплохо! *Инеплохо* ее уже слышали тысячу раз! Точь-в-точь как исполняю ее я. Старательно, правильно и... скучно. А я хочу сыграть по-другому.

– Как? – тихо спросила Вика.

– По-настоящему, – задумчиво ответила Яся. – Так, чтобы те, кто слышит мою «Грозу», чувствовали в ней шторм. Молнию, гром, стихию... Жизнь. – Девочка помолчала, а потом расстроено добавила: – Только я пока так не могу...

И совсем по-детски шмыгнула носом.

Вика, широко раскрыв глаза, смотрела на дочь.

Как же это удивительно! Ты растишь ребенка с самого рождения, учишь его ходить и говорить, держать ложку и завязывать шнурки, читать и писать. Учишь всему – и тебе кажется, что ты знаешь о своем ребенке абсолютно все: что он

хочет, о чем думает, о чем мечтает. А потом однажды он выдает тебе – как Яся сейчас – то, чему ты ее не учила, то, чего не знала, о чем не задумывала и чего не испытывала сама. И у тебя захватывает дух от понимания, что твой ребенок – это уже отдельный мир. Свой собственный уникальный микрокосмос...

Где-то вдалеке прозвучал гром. Вика прикрыла глаза, просматривая линии вероятности – с погодой у нее получалось лучше, чем с людьми. А потом схватила дочку за руку, взяла скрипку и сказала:

– А пойдем-ка мы с тобой... погуляем!

* * *

Хмурое предгрозовое небо терлось о вершины высоких зданий, ветер гнал мусор по грязной мостовой. Тяжелые свинцовые волны с мрачной решимостью бились о набережную, захлестывали через край парапета – и сотнями холодных брызг сыпались на каменные плиты Малекона. Прохладный воздух полнился предчувствием дождя.

Прохожих почти не было – туристы отсиживались по отелям, пережидая грозу, да и местные спрятались по домам, потому что для них такая погода была слишком холодной. Над пустым Малеконем кружили лишь горластые чайки, да вдоль по проспекту деловито проносились ретроавтомобили.

Вика с Ясей дошли до самого конца Старой Гаваны, туда, где обновленные фасады старинных зданий сменились истрепанными и потертыми. Вика встала у самого края старой смотровой площадки, огляделась – да, пожалуй, это то, что надо.

– Держи, – протянула она дочке скрипку со смычком. – Попробуй сыграть.

– Что, прямо тут? – удивилась дочка и смущенно огляделась вокруг – не смотрит ли на них кто? Но Малекон был по-прежнему пуст.

– Да, прямо тут, – решительно заявила Вика. – Только прежде чем начать, немного подожди. Посмотри вокруг, послушай...

Поколебавшись, Яся взяла скрипку. Несколько раз глубоко вдохнула. Обвела взглядом низкое небо, темные волны, старинную испанскую дозорную башню на горизонте. Закрыла глаза, вслушиваясь, как океан бьется о каменную набережную, как кричат голодные чайки, как издалека доносятся слабые раскаты грома и как притих в ожидании грозы Малекон.

А потом Яся заиграла.

И Вика поняла, что не ошиблась, приведя дочку сюда. На этот раз музыка жила; она билась каплями дождя под смычком, перекатами грома срывалась со струн, шумела штормовым ветром, наполняла воздух озоном, обещала очищение и обновление...

Яся играла, не открывая глаз, – самозабвенно и безоглядно, растворяясь в музыке, отдавая ей всю себя.

Гроза приближалась, первые крупные капли дождя упали на пыльный асфальт, но ни Яся, ни Вика не обращали на них внимания.

Яся играла, и единственными слушателями этого прекрасного исполнения – без сомнения, достойного любого концертного зала, – были Вика, пустой Малекон и взъерошенные чайки.

Они – да еще Марко, загорелый мальчишка-серфер с необычными светлыми глазами, притаившийся на каменной плите под набережной. Он ждал грозы, собираясь оседлать штормовые волны на своей доске, – а потом увидел белокурую девочку, ту самую, которая наблюдала за ним вчера. Тоненькая, длинноволосая, похожая на сказочную фею, она стояла на набережной и не видела его, и поэтому он мог вволю на нее насмотреться. Сегодня она показалась ему даже красивее, чем вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.